

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАНЯТИЯ ПРЕКРАСНЫХ ДАМ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Натали Шнайдер

Университет им. Эрнста Морица Арндта, Грайфсвальд, Германия

В статье рассматривается литературная ситуация в России конца XVIII — начала XIX в., новая роль женщины, взявшей за перо и вступившей на литературное поприще, сложности освобождения ее от распространенного в обществе предвзятого мнения.

Ключевые слова: литературный процесс конца XVIII века, женское авторство, поэтессы, переводчицы, топос скромности, Тамбовский кружок, криптограмма, псевдоним

Эпоха Просвещения привнесла в жизнь женщин ряд существенных изменений. Особенно это касается второй половины века, когда у женщин появилась возможность участвовать в литературном процессе, явившемся для многих импульсом, помогающим вырваться из круга predeterminedных обществом социальных ролей и попробовать выразить свой мир в литературной сфере, положив тем самым начало женской литературной традиции. Степень реализации возникших возможностей зависела, в первую очередь, от окружения и происхождения дам, ведь недаром в 50—60 гг. XVIII в. стремления к литературному сочинительству обнаружили Екатерина Сумарокова, Елизавета Хераскова или Екатерина Урусова. Эти несвойственные женщинам стремления к занятиям литературой влекли за собой не совсем лицеприятное и полное предубеждений отношение со стороны доминировавших в литературном процессе авторов-мужчин. Негативное отношение представителей мужской части общества к пишущим прекрасным дамам подчеркивают в своем исследовании мира русской женщины XVIII — начала

XX в. В. В. Пономарева и Л. Б. Хорошилова: «женщина, претендующая на роль писателя-творца, тяжело оскорбляла чувства мужчин той эпохи» [20, с. 199].¹ Данное занятие считалось неприличным для женского пола, женщины могли лишь являться источником вдохновения и воодушевлять творца. Выставлять напоказ плоды своих творческих исканий не приветствовалось, однако «писать для “внутреннего употребления”, чтения в салонах, оттачивать свое перо в переписке — всё считалось допустимым и даже похвальным для женщины» [20, с. 199; см. также: 37, 90]. Попытки публикации приводили к разрыву с традиционной ролью примерной жены и могли иметь негативные последствия для семейной жизни. Так, Евдокия Петровна Ростопчина (урожд. Сушкова), чье стихотворение «Талисман» было напечатано в одном из альманахов Петербурга в первой половине XIX в., не нашла понимания среди своих близких и была осуждена за свои стихотворческие занятия: «в доме Пашковых все набросились на нее, упрекая всячески за этот постыдный и неприличный поступок, так что молодой поэтессе не раз приходилось жутко за то, что она не сумела вполне затаить в себе данного ей от Бога дарования» [32, с. 303]. Типичное представление о женщине рассматриваемого периода нашло свое отражение в «Послании к женщинам», напечатанном в «Аонидах» 1796 г. [2, 1: с. 218–249]. В нем воспеты все добродетели и достоинства нежного пола, созданного для красоты, любви и услады мужчин; представлены главные роли — возлюбленной, благочестивой жены и матери: «К сердцам и к щастию судьбой вам отдан ключ. / У вас в очах блестит небесный, тихий луч, / Который показать нам должен путь к блаженству, / Добру и совершенству» [2, 1: с. 222–223].²

Если в завершающем десятилетии XVIII в. попытки женщин заняться литературной деятельностью еще встречают одобрение и вызывают положительные отзывы, то в начале нового столетия ситуация существенно меняется. Благосклонное отношение мужчин к женскому письму в ранние периоды объясняется тем, что женщины позиционировали свои тексты как непритязательные и не заявляли о конкурировании с мужчинами в данной сфере, наоборот, всячески подчеркивали свою неопытность и ведущую роль мужчины-покровителя. Тем самым они не ущемляли мужской гордости и мужских позиций на литературном Олимпе, о чем особенно выразительно написала в своем альбоме Анна Петровна Бунина: «Стихотворец охотнее осыпает похвалами женщину-писательницу, нежели своего со товарища; ибо он привык о себе думать, что знает больше, чем она» [1, с. 503]. Снисходительный тон и льстивые характеристики диссонировали, однако, с внутренними ощущениями литературных корифеев [25, с. 23–26]. В 1820–1840-х гг. женщины-авторы перестают быть диковинкой и чем-то доселе невиданным и начинают «претендовать на определенный статус, предлагая свои труды журналам и книгоиздателям» [25, с. 25; 24, с. 16]. В то же самое время всё громче звучат заботливые призывы к сохранению социального статуса женщины — роли жены и матери, а не публичного существа; эти призывы были несомненно связаны с резкой критикой женских текстов, выходивших в свет: «Хлопотливые заботы о раз-

витии в женщинах исключительно семейных добродетелей возникают в более позднюю пору с началом реакции 30-х гг. XIX века» [36, с. 164]. В своей статье «Сочинения Зенеиды Р-вой» (1834) В. Г. Белинский сравнивает общественное мнение и отношение к юным поэтессам и писательницам с тысячеглавым чудовищем, объявляющим их беспутными и безнравственными и подвергающим грязной критике как «самовольно вырвавшихся из сферы своего пола, из круга своих обязанностей, чтоб упоить свои разнузданные страсти и наслаждаться шумною и позорною известностью» [7, с. 649].³ После 1800 г. число иронических высказываний в адрес поэтесс и писательниц возрастает, особенно это проявилось в кругу литературного общества «Арзамас». Участники его критически оценивали поэтические способности представительниц женского пола, на что указывают острые замечания и колкости в стихах, посланиях и письмах арзамасских поэтов и их друзей.⁴ Так, участник «Арзамаса» Ахилл, Константин Батюшков, в своей сатире «Видение на берегах Леты» (1809) высмеивает литературных противников, «Беседу», а также указывает на недопустимость сочинительства представительницами женского пола: «Одна, прости Бог эту даму, / Несла уродливую драму, / Позор себе и для мужей, / У коих сочиняют жены. / О, тщетная поэтов слава!» [6, с. 239–240]⁵ Все их попытки бесплодны и совершенно бесполезны, им не достичь каких-либо вершин, и их сочинения годятся лишь чтобы бросить их в реку забвения. Данное суждение влечет за собой двоякую интерпретацию: с одной стороны, критика постыдного для женщины стремления к литературным занятиям может быть направлена против жен, дочерей, сестер прославленных поэтов, как Сумароков, Херасков и других, чьи родственницы взяли за перо; с другой стороны, конкретно против трех почетных членов «Беседы любителей русского слова»: Анны Петровны Буниной, Анны Алексеевны Волковой и Екатерины Сергеевны Урусовой.⁶ Не случайно Волкова затрагивает данную проблематику в своих «Стихах к “Беседе любителей русского слова”», помещенных в первой книге «Чтений» за 1811 г. В своего рода посвящении на открытие «отверстого музам нового храма» поэтесса благодарит «мужей отличнейших собора» за предоставленную и женщинам-авторам возможность открыто заниматься литературными упражнениями: «А здесь пииты дозволяют / Нам так же действовать пером; / На тихие ума забавы / Они нам право здесь дают / И нас с собой к жилищу славы / Стезей цветущею введут» [21, с. 496].⁷ В отличие от других литературных сообществ, женщины также «бессмертия вкушают плод», и от имени участниц-женщин Волкова выражает особую признательность за предоставленные привилегии. Она, однако, подчеркивает характер данных занятий именно как «ума забава», опровергая тем самым присутствие какого-либо духа соревнования с прославленными мужчинами. Поэтесса выделяет особую роль членов-«вождей к парнасским высотам» в налаживании творческого процесса женщин-авторов, которые будут подражать им, покорно следовать их советам и опираться на их знания на данном поприще.⁸

На так называемый «топос скромности», распространенный среди женщин-авторов уже во второй половине XVIII в., указывает К. Хайдер [35, с. 147]. При публикации текста женщина-автор всегда прибавляла несколько признательных слов в адрес добродетеля, семьи или родителей. В «Словаре русских писателей XVIII века» находим некоторые примеры таких посвящений молодых девушек, выполнявших переводы в рамках учебного процесса московских воспитательных учреждений. Елизавета Демидова, например, чей перевод духовных од Геллерта вышел анонимно в 1782 г., во вступлении выражает благодарность родителям и преподносит им книгу «как “новый и первый плод” своего воспитания» [цит по: 28, с. 248]. Дамы извинялись за смелость и свое стремление к писательской деятельности, ранее считавшейся исключительно мужским занятием. Делали акцент на своем неумении и незнаниях в данной сфере, подчеркивали исключительную роль наставника(-ов) в создании данного труда. Так, в предисловии к своей ироикомиической поэме «Падение Фаэтона» (1811) А. П. Бунина говорит о робости при издании произведения, признается «в несчетном множестве погрешностей, — или справедливее, — в слабости и недостатке <...> сил» [18, с. 80], а также благодарит публику за благосклонность и снисхождение к первому изданию сборника ее произведений. Поэтесса, как и Урусова и Волкова, обещает работать над устранением всех недостатков, непременно прислушиваясь к замечаниям и советам «просвещенных наставников» [18, с. 97].

«Топоса скромности» в обращениях к публике требовал от женщин «хороший тон того времени, изысканный и вычурный, а кроме того — двойственность отношений к ним: с одной стороны, издатели и критики льстивыми любезностями побуждали их смелее и громче поднимать голос в печати, с другой — авторитетные представители общественного мнения, даже Державин, покровитель писательниц, твердили им, что “тихость и смирение суть первые достоинства, истинные превосходства женщины”, то есть та робкая принужденная связанность личности, которую называли в старину скромностью» [36, с. 203].

Характеризуя Державина как «покровителя писательниц», Е. Н. Щепкина имеет в виду, в том числе, и деятельность его во времена губернаторства в городе Тамбове с 1786 по 1788 г. Из всех провинциальных городов Тамбов отличался, согласно исследованиям А. Ю. Самарина, особенно большим числом подписчиц в конце XVIII в.: 21 женщина значится в списке абоненток тех или иных печатных изданий [26]. Большинство из них подписались на 7-томное издание романа Жерара Филиппа Луи. Примечательно, что перевод романа с французского был сделан жительницей Тамбова Елизаветой Корнильевной Ниловой и издан в местной типографии в период с 1793 по 1796 г. под названием «Граф Вальмонт, или Заблуждения рассудка. Письма, собранные и обнародованные господином М... Поднесенные королеве французской в 1775 году г. Жерардом, каноником с. Лудовика Луврского. Перевод с французского [Е. К. Ниловой]». ⁹ Типография в этом провинциальном городе была основана по инициативе Державина в ноябре 1787 г.

Много лет спустя в своих «Записках» Державин напишет, что целью основания Тамбовской типографии было издание книг и переводов авторов, принадлежавших местной аристократии, что должно было способствовать распространению просветительских идей.¹⁰ Мужем Ниловой (урожд. Бороздиной) был помещик и бригадир Андрей Михайлович Нилов, хорошо знакомый с Державиным со времен службы в Преображенском полку [29, с. 357–358; 10, 2: с. 185; 10, 5: с. 447]. Образованный и интересующийся переводческой деятельностью помещик финансировал деятельность учрежденной типографии. В домах Державиных и Ниловых собирались молодые люди, проявлявшие интерес к переводческой деятельности. Н. Д. Кочеткова характеризует данные собрания как семейно-дружеский кружок, увлеченный исторической и сентиментальной литературой, причем исторические тексты переводились мужчинами, а переводением сентиментально-нравоучительных романов занимались женщины. Цели кружка были далеки от меркантильности, внимание фокусировалось на литературных занятиях увлеченных людей [13, с. 216]. В одном из писем Державин советует Хераскову прочитать «наш новый роман; да послужит он многим из ваших указкою и по выбору, и по слогу. В столицах не все так переводят...» [цит. по: 28, с. 216]. Такими строчками был сопровожден переведенный Варварой Васильевной Голицыной роман «Заблуждения от любви, или письма от Фанелии и Мильфорта», напечатанный в 1790 г. и посвященный ею мужу генералу С. Ф. Голицыну.¹¹ Княгиня Голицына жила недалеко от Тамбова, в Зубриловке, и состояла в дружеских отношениях с семьями Державиных и Ниловых. Будучи племянницей Г. А. Потемкина, Голицына помогала Державину после его отрешения от должности губернатора Тамбова, а также в это нелегкое для четы время приютила у себя в имении жену его Екатерину Яковлевну. «Мы свое время проводим изрядно: в день работаем, а вечер читаем книги попеременно», — пишет она Державину в 1789 г. о буднях двух женщин [10, 5: с. 743]. Более известными из данного круга стали все же переводы Ниловой. С французского она перевела «Надгробные размышления, сочиненные на английском языке г. Жервеом. Перевод с французского [Е. К. Ниловой]» и издала их в 1782 г. в Москве анонимно, поставив под текстом посвящения лишь криптограмму Е. Н. [27, 1: с. 220].¹² 587 экземпляров этого перевода Джеймса Гервея, одного из представителей сентиментального поэтического направления так называемой кладбищенской поэзии, были конфискованы в 1787 г. в московских книжных магазинах. Свой перевод Нилова посвятила сыновьям Петру и Корнилию с тем, чтобы смогли они «пребыть «почитателями законов священных и гражданских» и противостоят «своевольным умствованиям»» [29, с. 358]. Роман содержит поучительные выдержки из Библии, а также философские цитаты некоторых французских мыслителей Руссо, Дидро, Монтескье и Вольтера. О выходе перевода сообщалось и за границей, в одной из гамбургских газет. Этот перевод выписали 117 человек, купившие в общей сложности 121 экземпляр. Фамилии и звания подписавшихся можно найти в 4-й части за 1794 г., среди них указаны имена Голицы-

ной и Державина [26, с. 47, 144, 239]. С 1803 по 1804 г. Нилова выпустила продолжение переведенного ею в конце XVIII в. романа «Граф Вальмонт, или Заблуждения рассудка» под названием «Теория об истинном счастье, или Наука сделаться благополучным, приноровленная к состоянию всех людей» [29, с. 358]. Она занималась и переводом с немецкого: так, в 1790 г. в Тамбове вышли «Приключения англичанина Эдуарда Вальсона» [27, 2: с. 472].¹³ Прозаические и поэтические переводы Ниловой печатались в московском журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» в период с 1799 по 1801 г. [27, 1: с. 140]. Нилова оказала большое влияние на Марию Орлову, оказавшуюся вовлеченной в литературные занятия тамбовского круга и увлеченную ими. Орлова перевела роман Сусанны Ганнинг «Barford Abbey». Английский роман получил свое первоначальное распространение во французском варианте Жозефа Френе, с которого и переводила Орлова [27, 1: с. 201]. Свою работу, изданную в Тамбове в 1788 г. под названием «Аббатство, или Замок Барфордской. Английское сочинение переведено с французского девицею Марьею Орловою в селе Покровском на Рязне», она посвятила своей наставнице Ниловой. Орлова подчеркивает в посвящении постоянные упражнения Ниловой, посвящавшей свободное от домашних дел время чтению и переводам; а также оказанную ей при переводе помощь Петра Андреевича Нилова [13, с. 216; 29, с. 390]. Благодаря выпуску в свет одного переводного сочинения Орлова была внесена М. Н. Макаровым в его «Материалы для истории русских женщин-авторов», опубликованные в нескольких выпусках «Дамского журнала» (1-51/52, 1830 и 51/52, 1833). Его публикации содержат данные о 63 женщинах и охватывают период до 1820 г. Не обходит Макаров вниманием и писательниц из окружения губернатора Державина, который, по его словам, гордился «успехами своих тамбовских литераторок» [цит. по: 35, с. 139].¹⁴ В заметку об Орловой Макаров включает, как ни странно, описания внешнего облика, подчеркивая ее красоту. Данная характеристика продиктована, вероятно, тем фактом, что Орлова была задействована во многих спектаклях, поставленных на сцене Тамбовского театра, и современники отмечали красивые черты актрисы и мастерство декламирования. Автор «Материалов» подчеркивает, что мастер Державин был доволен своей ученицей, «под “горацианской диктатурой” которого она читала, писала и переводила» [цит. по: 35, с. 144].¹⁵ Понятие «диктатура» встречается у Макарова и в связи с именем переводчицы Ниловой, которая «решилась ознакомить читателей с первыми своими трудами на поприще своего литераторства» [цит. по: 35, с. 145],¹⁶ причем это решение было принято под воздействием «диктатуры» того же учителя и покровителя Державина. К. Хайдер пытается осмыслить частое употребление Макаровым слова «диктатура» и предполагает, что в данном случае речь идет о вынужденном сотрудничестве женщины-автора и доминирующего над ней мужчины, выступающего в роли советчика, консультанта и покровителя. Недовольство женщины сложившейся ситуацией в творческом процессе не оставляет ей выбора, заданные в обществе рамки для женского пола принуждают ее смириться, для ее же пользы.¹⁷

О тамбовском кружке мало исследовательских работ, но во многих источниках приводятся краткие сведения или биографические данные отдельных женщин, чьи имя или произведения стали известны еще при жизни. Например, в книге «Поэтические легенды России» Е. А. Тончу уделяет несколько строк поэтическому кругу из провинциального Тамбова и особенно известной из них переводчице Е. К. Ниловой [33, с. 13].¹⁸ М. И. Аронсон и С. А. Рейсер упоминают кружок в приложении «Список провинциальных кружков и салонов», однако он трактуется ими не как кружок с постоянным и определенным числом участников, а как собрания у Державина с 1786 по 1788 г. [4, с. 336]. Вероятно, исследователи имели в виду не литературный кружок, а собрания в доме губернатора. В своих «Объяснениях на сочинения» Державин вспоминает о концертах и собраниях в своем доме два раза в неделю для всей городской публики [10, 3: с. 724–725; 19, 4: с. 2–3]. И занималась этим, по словам Державина, его жена Екатерина Яковлевна. А. Ю. Самарин также упоминает кружок в доме Ниловых, занимающийся переводами иностранных произведений [26, с. 47]. В Германии тема русских писательниц XVIII–XIX вв. является предметом изучения Фр. Гёпферта совместно с русским коллегой из Академии наук М. Файнштейном. К числу их научных работ по этому вопросу принадлежит серия «FrauenLiteraturGeschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur» (ЖенщиныЛитератураИстория. Тексты и материалы по женской литературе). В этой серии и серии «Slavistische Beiträge» (Статьи славистов) вышли сборники с научными изысканиями славистов разных стран, посвященные пишущим женщинам, их судьбам, творчеству и вкладу в литературную жизнь России. Можно назвать некоторые из них: «Russland aus der Feder seiner Frauen: zum femininen Diskurs in der russischen Literatur» (1992) (Россия из-под женского пера: феминистский дискурс в русской литературе), «Dichterinnen und Schriftstellerinnen in Russland: von der Mitte des 18. bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts» (1992) (Поэтессы и писательницы в России: с середины XVIII до конца XX века), «Предстательницы муз: русские поэтессы XVIII века» (1998), «Мы благодарны любезной сочинительнице... Проза и переводы русских писательниц конца XVIII века» (1999), „Russische Autorinnen von der Mitte bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts“ (2007) (Русские женщины-авторы с середины до конца XVIII века). В данных работах анализируется творческий путь Екатерины Дашковой, Натальи Долгорукой, Натальи Нееловой, Александры Ржевской, Екатерины Сумароковой, Марии Сушковой, Екатерины Урусовой, Елизаветы Херасковой, Александры Хвостовой и некоторых других представительниц женского пола. М. Файнштейн касается также темы провинциальных литераторок. Среди провинциальных женщин-авторов первой половины XIX в. он называет таких писательниц, как Д. Анисимова (Рязань), А. Готовцева (Кострома), А. Зонтаг (Одесса), Л. Кричевская (Харьков), О. Крюкова (Симбирск) и А. Фукс (Казань) [34, с. 33]. Фр. Гёпферт не раз обращается к участницам тамбовского круга, но более подробно он анализирует их в статье «О женщинах — авторах в провинциальном городе Тамбове на ис-

ходе XVIII века (Екатерина Державина, Елизавета Нилова, Марья Орлова, Варвара Голицына)» [8], несомненно интересной не только для специалистов.

В данной публикации хотелось бы кратко остановиться на двух интересных фактах из упомянутого выше сборника «Предстательницы муз: русские поэтессы XVIII века». В нем собраны поэтические произведения, многие из которых были неизвестны широкому кругу читателей. Произведения 33 поэтесс представляют такие жанры, как героиды, ода, послание, стансы, басня, сонет, элегия, эклог, эпиграмма и эпитафия. В атрибуции некоторых из них, отнесенных составителями антологии к представленному в этой статье тамбовскому кружку, вкрались, однако, некоторые неточности. Речь идет об «Элегии на смерть супруга и болезнь сестры» и о «Трех баснях из Флориана». «Элегия» как и криптограмма *Ел. Н-ва* приписываются Елизавете Корнильевне Ниловой [22, с. 59–61, 255]. Однако И. Масанов в «Словаре псевдонимов» соотносит эту криптограмму с именем Елизаветы Сергеевны Нееловой (урожд. Бутурлиной) [16, 2: с. 239, 4: с. 333], при этом он приводит в качестве источника публикацию «Элегии» в московском литературном журнале «Иппокрена» (1799. Ч. 4.). Из этого же издания, как ни странно, печатается она и у Гёпферта и Файнштейна. Вероятно, путаница между двумя сочинительницами с криптограммами *Ел. Н-ва* (Неелова) и *Е. Н.* (Нилова) происходила и ранее, на что в сноске указывает Масанов: «У Неустроева (820) ошиб. прип. Е. К. Ниловой» [16, 2: с. 239]. Кроме того, издатели антологии не обратили внимание в самой элегии на сноску поэтессы к географическому названию *Липна*: «деревня, в которой живет сестра моя А. С. Ж.» [22, с. 59]. Неелова имеет в виду Анну Сергеевну Жукову (урожд. Бутурлину), также публиковавшую свои поэтические сочинения в «Иппокрене» и внесенную в «Словарь русских писателей XVIII века» [28, с. 318]. Жукова проводила лето 1799 г. в деревне Липна с детьми и сопровождала зимой Неелову к могиле мужа сестры, во время которой простудилась. Данные события и легли в основу «Элегии на смерть супруга и болезнь сестры» Нееловой. Другое несоответствие в сборнике связано также с именем тамбовских Ниловых. «Три басни из Флориана, посвященные моему супругу» приписываются невестке Екатерине Ниловой, жене П. А. Нилова [22, с. 62–67, 255]. Поиск указанной криптограммы *К. Н.* в «Словаре псевдонимов» привел к Екатерине Нееловой, печатавшейся под псевдонимами *К. Н.*, *К.-Н.*, *Н...ва*, *К...* [16, 2: с. 16, 4: с. 333]. В качестве источника публикации поэтессы указано Масановым московское периодическое издание «Приятное и полезное препровождение времени» (1798, Ч. 17), откуда и были взяты басни для сборника «Предстательницы муз». ¹⁹ Под П. А. Ниловым авторы сборника, вероятно, подразумевали Петра Андреевича Нилова, ведь именно он был сыном четы Ниловых из Тамбова. Но весь парадокс заключается в том, что женой этого прославленного человека, являвшегося губернатором Тамбова и Казани, была вовсе не Екатерина, а Прасковья Михайловна Нилова (урожд. Бакунина). Своей родственнице по второй жене Державин посвятил стихотворение «Параше» (1798), которое было написано им «по

случаю намерения Петра Андреевича Нилова жениться на Прасковье Михайловне Бакуниной» [19, III: с. 17].²⁰ П. М. Нилова, описанная Гротом как «женщина высокого ума и необыкновенной доброты, всеми любимая и уважаемая», с 1838 по 1851 г. являлась начальницей только что образованного Киевского института благородных девиц [12, с. 19, 34–35].²¹ Молодой К. Н. Батюшков был частым гостем Ниловых, во время их проживания в Петербурге, и очень ценил их общество: «<...> он посещал еще несколько домов, где встречал общество более молодое, среди которого не только ум его находил себе пищу, но и сердце могло искать себе сочувствия. Особенно нравилось ему бывать в семействе Ниловых и у А. П. Квашниной-Самариной» [15, с. 28]. Нилова, которую Батюшков «всегда почитал как редкую женщину», отличалась прекрасным пением, играла на арфе, а также писала стихи.²²

Как видим, имена далеко не всех женщин-авторов XVIII–XIX вв. известны широкому кругу читателей, не все их произведения опубликованы, другие же разбросаны по разным номерам журналов, альманахов, записок, какие-то еще ждут своей очереди быть найденными в рукописных источниках. На тему женской литературы написано, несомненно, большое количество исследовательских работ, но далеко не все поэтессы, писательницы и переводчицы смогли еще выйти из тени забвения, уготованной им социальными рамками женского пола.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В «Аонидах» был помещен перевод некоей госпожи Бофорт, сделанный Владимиром Измайловым. В тексте «К моей подруге. Перевод с Французского*» одна пишущая женщина убеждает подругу в тщетности стремления к известности, предостерегает от вступления на скользкую и не подобающую ее полу дорогу, ведь завистники всегда найдут повод для критики: «И женщина должна, как слава ни прелестна, / Остаться жить в тени, быть лучше неизвестна, / Чем зависть на себя отсюду обратить. / Нас редко за перо хвалю свет дарит; / Пол женщин и мужчин ревнует к нашей славе. / Заметят ли порок в уме иль в нашем нраве, / Ошибка ль в слоге есть, завистники тотчас / Сбирают стрелы все и сыплют их на нас, / И слава дорога для нас всегда бывает. / Нам все прощает свет: таланта не прощает» [2, 3: с. 45–46]. Это прекрасно продуманный ход издателей стихотворного сборника опубликовать данное сочинение, в котором именно от женского лица звучит совет — лучше жить в тени и писать идиллии, письма, элегии, романы лишь для себя, не выходя из узкого круга на публику: «Хвалю, хвалю в тебе стихов небесный дар; / <...> В досугах, в скуке нам они приносят радость. / Трудись в Поэзии; она мила душе; / <...> Но помни, что на час нас слава обольщает, / Что щастье любит тень, и шума убегает» [2, 3: с. 49–50].

² В данном послании появляется также образ читающей женщины времен Н. М. Карамзина, подруги талантливого мужчины: «...о милый друг! <...> дружбою твоей / Я более всего горжуся в жизни сей <...> он нежной женщины нежнейшим другом был» [2, 1: с. 249]. В «Стихах госпоже АН» из «Московского журнала» Карамзина, написанных от мужского имени, женский пол в лице некоей госпожи АН поучается соблюдать добродетели, акцент делается, в том числе, и на умственных упражнениях, новых для женского мира: «Люби ты чтение, люби в науках свет — / Нам щастливыми быть иного средства нет» [17, с. 128–129]. В «Ответ ея» дама просит не оставлять ее без наставлений, выполняя которые она будет достойна дружбы своего благодетеля; см.: [17, с. 130–131].

³ Ср. «...едва ли кто упустит случай, говоря о пишущей женщине, посмеяться над ограниченностью женского ума, более будто бы приноровленного для кухни, детской, шитья и вязанья, чем для мысли и творчества» [7, с. 648]. Белинский не однозначен в своих высказываниях относительно женщин-авторов, позитивные моменты сменяются распространенными предрассудками, иронией и критическими замечаниями по поводу творчества женщин в целом или отдельных их представительниц. И. Савкина следующим образом определяет цель данного писания: «Главной целью Белинского <...> является <...> построение <...> модели социальной <...> и утверждение ее как единственно верной и приемлемой. Вся предшествующая литература <...> предстает как период “детства”, незрелости. <...> В основном он сосредоточивается на женском творчестве, и это, возможно, объясняется <...> тем, что категории дилетантизма, ни к чему не обязывающей болтовни, чувствительности, несерьезности, слабости, неразвитости имплицитно присутствуют для литераторов рассматриваемого периода в самом определении “женское творчество”» [24, с. 14]. См. также: [25, с. 41–43] и Catriona Kelly im Buch „A History of Russian Women’s Writing 1820–1992“ (Oxford, 1994).

⁴ П. А. Вяземский, например, в своих записках высоко оценивает арзамасское общество и истинное дружество, царящее между его членами, характеризуя его как «нравственное братство» [3, с. 107]. Между братьями, видимо, не может быть места для женщин. В одной из эпиграмм Вяземский, не умаляя женской красоты, отказывает в красоте стихотворным творениям женщины-автора: «Красавица она, я знаю, и поэт! / Но если разбираешь строго, / То видишь, что в ее твореньях красок нет. / А на лице их слишком много» [23, с. 218].

⁵ В письме к А. Оленину от 23 ноября 1809 г. Батюшков так прокомментировал процитированный в тексте пассаж: «Падение в реку сочинительницы Густава и еще какой-то Извековой меня самого до слез насмешило. Желал бы напечатать в лицах все это маранье: для рисовщика каррикатур пространное поле» [5, с. 578]. Мария Евграфовна Извекова и ее драма «Милена, или редкий пример великодушия» (1809) не вызывают у участников «Арзамаса» ничего, кроме насмешек и сатирических отзывов. Тот же Белинский, радеющий за писательниц и поэтесс в описанной выше статье «Сочинения Зенеиды Р-вой» (1843), весьма иронично отзывается в ней об Извековой и ее длинных романах, дышащих нравственностью и наполненных скучным содержанием с обезличенными героями: «...бегите в книжную лавку, попросите книгопродавца порыться в его погребах и кладовых — этих книжных кладбищах — и отыскать вам романы *девицы Марьи Извековой*, если их еще не съели мыши <...> неблагодарное потомство забыло *девицу Марью Извекову*, забыло совсем!.. Что ж после этого прочно под луною?» [7, с. 653] Кстати заметим, что после выхода романа Извекова более ничего не печатала. Данный факт, возможно, связан с ее замужеством, после которого ее литературная жизнь стала недоступной свету: «Лишилась ли она руководства своей матери или ее литературная деятельность встретилась с противодействием мужа и новой семьи? Насчет этого можно строить какие угодно догадки; но после энергичной 4-х летней работы она вдруг умолкла, едва начав самостоятельно развиваться. Впрочем, для себя она продолжала работать в тиши своих покоев: после нее осталось много рукописных сочинений; что с ними произошло — пока неизвестно» [36, с. 199].

⁶ В своей сатире «Певец, или Певцы в Беседе славено-россов» (1813) Батюшков высмеивает непреодолимое влечение к сочинительству Анны Буниной, чьи «детки очень жалки», и других девиц, которые «все взапуски плодятся: / Но диво в том, что чада их / Полмертвые родятся» [3, с. 207]. Та же мысль пронизывает и «Речь члена Старушки», читанную С. Уваровым в ноябре 1815 г. на заседании «Арзамаса»: «В священном энтузиазме не щадила она ни чернил, ни бумаги. Что день, то новый плод — едва успевала она разрешиться от бремени, как вдруг опять чувствовала тяжесть — предвестницу новых родов» [3, с. 308]. Неожиданный отъезд Волковой на лечение в Англию Уваров представляет как ее исчезновение из рядов «Беседы», пародируя

образ «влюбленной поэтессы», используя историю Саффо, покончившей с собой из-за несчастной любви к прекрасному Фаону (Шишкову).

⁷ Надо отметить, что видный представитель «Беседы», председатель первого разряда и ярый боец за славянский язык А. С. Шишков не совсем однозначно относился к писательскому таланту прекрасных дам. В своем программном сочинении «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), возникшем в результате полемики между сторонниками старого и нового слога, он критикует, в том числе, тезисы карамзинского сочинения «Отчего в России мало авторский талантов?» (1802), касающихся языка милых дам: «Милые *дамы*, или, по нашему грубому языку, *женщины*, *барыни*, *барышни*, редко бывают сочинительницами, и так пусть их говорят как хотят. А вот несносно, когда господа писатели дерут уши наши нерусскими фразами!» [14, с. 29] Несмотря на то что речь идет более о разговорном языке дам данного столетия, со страстным почтением ко всему французскому, в парировании Шишкова всё же заметен небрежный оттенок к роли женщин в литературе. Употребление ими того или иного языка, правильность владения им не имеют как такового значения, так как они не несут хорошего русского литературного языка в массы, не могут влиять на читателей, как это должен делать хороший автор. Нужно напомнить, что Шишков тем не менее помог А. А. Волковой выпустить стихотворный сборник «Стихотворения девицы Волковой», в предисловии к которому подчеркнул важность знакомства русской публики с талантами женщин-авторов, как это давно практикуется за пределами России: «...сочинения сей девицы ни мало не уступают сочинениям многих немецких, английских и французских стихотвориц, которые рукоплесканиями и похвалами соотечественников своих сделались известными в свете и которые пред сею русскою певицею преимуществовали, может быть, только благосостоянием своим и счастьем, а не достоинством и дарованиями» [31, с. 3]. Кроме прочих в списке лиц, заказавших данный сборник, числятся княжна Катерина Сергеевна Урусова, Катерина Александровна Бакунина, Катерина Алексеевна Хвостова, Дарья Алексеевна Шишкова, Дарья Алексеевна Державина, Варвара Александровна Ржевская и княгиня Марья Адамовна Голицына.

⁸ Ср. поучения Сумарокова к начинающей «стихотворице московской» в «Оде анакреонтической к Елисавете Васильевне Херасковой» (1762), а также послание Михаила Хераскова «К.н.ж.н. К.т.р.н. С.р.г.в.н. р.с.в.» (1773) к Е. Урусовой и ее ответ «М.х.л. М.т.в.в.ч. Х.р.с.к.в.» (1773).

⁹ «Светская дама (Нилова — Н. Ш.) долго и добросовестно боролась с большими трудностями передачи замысловатых французских оборотов на наш бедный язык, но зато приобрела славу литератора» [36, с. 149].

¹⁰ «...Сколько мог он (Державин — Н. Ш.) вспомоществовал и просвещению заведением типографии, где довольное число печаталось книг, переведенных тамошним дворянством, а особливо Елисаветою Корниловною Ниловою» [9, с. 109]. См. также в «Объяснениях на сочинения»: «при губернском правлении завел типографию, в которой печатались сведения об урожаях, о цене хлеба, о беглых людях, о продажах разных имуществ, о подрядах и поставках, и проч.; и тут же печатались переведенные тамошним дворянством книги» [19, 4: с. 3].

¹¹ В биографической статье «Словаря русских писателей XVIII века» критикуется архаичность выполненного перевода в сравнении с анонимным переводом 1788 г., указывается на недовольство самой переводчицы, выразившееся в извинительном тоне посвящения к книге [28, с. 215–216].

¹² Указанный псевдоним принадлежит Е. К. Ниловой [16, 4: с. 340; 16, 1: с. 360]. Псевдонимы несли с собой иллюзию некоей защиты и предоставляли женщинам возможность спрятаться от негативно настроенного общественного мнения [34, с. 30], см. также: [37, с. 91–98].

¹³ Это перевод анонимного романа «Begebenheiten Eduard Wallsons eines Engländers», вышедшего в 1788 г. в немецком городе Йена. Предисловие к переводу подписано инициалами Е. Н., под этим псевдонимом печатались переводы Ниловой; см.: [16, 2: с. 472; 16, 4: с. 340].

¹⁴ См. *Дамский журнал* 13, с. 196. Хайдер ставит под сомнение указанные в материалах библиографические данные и указывает на недостатки публикаций Макарова: мало внимания уделено биографическим сведениям о женщинах-авторах, в описании использованы штампы, сомнительны критерии оценок женских произведений, занижены способности и самостоятельность творчества писательниц (в открытой форме или завуалировано, с использованием приема сравнения) [35, с. 135-151].

¹⁵ См. *Дамский журнал* 13, с. 194.

¹⁶ См. *Дамский журнал* 15, с. 18.

¹⁷ Ср.: «В те времена женщине нельзя было обойтись без консультанта-мужчины при написании текста и, конечно, без “покровителя” при публикации. <...> Женщины <...> лишаются самостоятельного выбора, решения, способности быть автором самостоятельных произведений» [35, с. 144-146].

¹⁸ В своей книге Е. А. Тончу кратко упоминает некоторые салоны, хозяйками которых являлись женщины: М. Морозова, М. Тенишева, А. Филоsofova, А. Тыркова-Вильямс. Из образованных женщин провинции она выделяет Любовникову из Харькова, Зубову из Оренбурга, Прокудину из Нижнего Новгорода и Турчанинову из Одессы. Сведения о них не отличаются детальностью, часто отсутствует датировка или же салонные дамы из разных десятилетий просто «соседствуют» друг с другом, с конца XVIII до начала XX в. [33, с. 11–14].

¹⁹ И. Масанов сообщает в сноске об ошибочных атрибуциях, связанных с данным псевдонимом, когда сочинение Екатерины Нееловой было отнесено к Екатерине Ниловой: «У Неустроева (824) припис. К. Ниловой» [16, 2: с. 239]. Книга А. Н. Неустроева вышла в 1875 г. в Петербурге под названием «Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг.».

²⁰ Само стихотворение и комментарии Я. К. Грота к нему см.: [10, 2: с. 184–186]. Ср. у Л. Н. Майкова: «Петр Андреевич Нилов был тамбовский помещик, сын старого приятеля Державину <...>. Он получил образование под руководством своей матери, умной и просвещенной женщины, и был любезный человек и гостеприимный хозяин; в 1799 году он женился на одной из родственниц Державина, Прасковье Михайловне Ниловой» [15, с. 28-29].

²¹ Я. К. Грот ошибочно пишет о 16 годах на посту начальницы института [10, 2: с. 185].

²² «Прасковья Михайловна была прекрасна и наружностью, и своими душевными качествами: при необыкновенной доброте, при открытом, благородном характере, она обладала большим умом и разнообразными талантами; она писала стихи, прекрасно пела и играла на арфе; разговор ее был жив, занимателен и остроумен» [15, с. 29]. С. Жихарев так отзывается в своем дневнике о семье Петра и Прасковьи Ниловых, запись за 1807 год: «Нилов очень любезный и разговорчивый человек и к тому же имеет хорошее состояние и очень пригожую и любезную жену, воспетую Державиным под именем «Параши». Она очень талантлива, прекрасно играет на арфе и любит заниматься словесностью» [11, с. 444]; см. также: [15, с. 85; 30, с. 37].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбом Анны Петровны Буниной // Русский Архив. 1902. Кн. 1. № 4. С. 500–506.
2. Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М.: Универ. тип. у Ридигера и Клаудия. Кн. 1. 1796. 280 с.; Кн. 3. 1798–1799. 374 с.
3. Арзамас: сб. в 2 кн. / под общ. ред. В. Э. Вацура, А. Л. Осповата; сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацура и др. Кн. 1: Мемуарные свидетельства; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы. М.: Худож. лит., 1994. 605 с.
4. Аронсон М. И., Рейсер С. А. Литературные кружки и салоны. СПб.: Академический проект, 2001. 397 с.
5. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / изд. подгот. И. М. Семенко. М.: Наука, 1977. 606 с.

6. *Батюшков К. Н.* Стихотворения / вступ. ст., ред. и примеч. Б. Томашевского. М.: Сов. писатель, 1948. 342 с. (Библиотека поэта. Малая серия).
7. *Белинский В.* Сочинения Зенеиды Р-вой // Полное собрание сочинений. Т. 7: Статьи и рецензии, 1843. Статьи о Пушкине, 1843-1846. М.: Изд. АН СССР, 1955. 738 с. С. 648–678.
8. *Гёпферт Ф.* О женщинах-авторах в провинциальном городе Тамбове на исходе XVIII века: Екатерина Державина, Елизавета Нилова, Марья Орлова, Варвара Голицына // Ляцак В., Амброзьяк Д.. Пером и прелестью: женщины в пантеоне русской литературы. Ополе: Университет Опольски, 1999. С. 11–23.
9. *Державин Г. Р.* Записки 1743–1812. М.: Мысль, 2000. 334 с.
10. *Державин Г. Р.* Сочинения / с объясн. примеч. Я. К. Грота: в 9 т. СПб.: Имп. АН, 1864–1884. Т. 2. 1865. 736 с.; Т. 3. 1866. 784 с.; Т. 5. 1869. 925 с.
11. *Жихарев С. П.* Записки современника / ред., вступ. ст. и коммент. Б. М. Эйхенбаума. М., Л.: Изд. АН СССР, 1955. 835 с.
12. *Захарченко М. М.* История Киевского института благородных девиц. 1838-1888. Киев: тип. С. В. Кульженко, 1889. 164 с.
13. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. I: проза / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. Ю. Левин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 314 с.
14. Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей; антология / изд. Л. А. Сапченко. СПб.: Изд. Русской Христианской Гуманитарной академии, 2006. 1080 с.
15. *Майков Л. Н.* О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова // Сочинения К. Н. Батюшкова / изда ны П. Н. Батюшковым, со статьею о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саитовым. Т. 1–3. СПб., 1885–1887. Т. 1. СПб.: Тип. Б. С. Балашева, 1887. С. 1–316.
16. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всес. книжн. палаты, 1956–1960. Т. 1. 440 с.; Т. 2. 386 с.; Т. 3. 415 с.; Т. 4. 557 с.
17. Московский журнал. 1791. Ч. 3. Кн. 2.
18. Неопытная муза Анны Буниной. Ч. 2. СПб., 1812. 142 с.
19. Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Елизавете Николаевне Львовой в 1809 году / изд. Ф. П. Львов. СПб.: тип. Смирдина, 1834. 253 с.
20. *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII — начало XX века. М.: Русское слово, 2006. 320 с.
21. Поэты 1790–1810-х годов / вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биограф. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1971. 912 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
22. Предстательницы муз: русские поэтессы XVIII века / сост. Ф. Гёпферт, М. Файнштейн. Wilhelmshorst: Göpfert, 1998. 271 с. (FrauenLiteraturGeschichte; Bd. 9)
23. Русская эпиграмма (XVIII — начало XIX века): сб. / вступ. ст. М. И. Гиллельсона; сост. и примеч. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан; подг. текста К. А. Кумпан. Л.: Сов. писатель, 1988. 781 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
24. *Савкина И.* «Пишу себя...»: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века: Academic Dissertation. Tampere, 2001. 360 с.
25. *Савкина И.* Провинциалки русской литературы: женская проза 30–40-х годов XIX века. Wilhelmshorst: Göpfert, 1998. 223 с. (FrauenLiteraturGeschichte; 8).
26. *Самарин А. Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М.: Изд-во МГУП, 2000. 287 с.

27. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800: в 5 т. М.: изд. Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина, 1963–1967. Т. 1: А–И. 1963. 434 с.; Т. 2: К–П. 1964. 514 с.
28. Словарь русский писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л.: Наука, 1988. 357 с.
29. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб.: Наука, 1999. 507 с.
30. Сочинения К. Н. Батюшкова / изданы П. Н. Батюшковым, со статьей о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саитовым. СПб.: Тип. (бывшая) Котомина, 1886. Т. 3. 804 с.
31. Стихотворения девицы Волковой. СПб., 1807.
32. Сушков Д. К биографии Е. П. Ростопчиной // Исторический вестник. Т. 6. 1881. С. 300–305.
33. Тончу Е. А. Поэтические легенды России. М.: ТОНЧУ, 2008. 344 с.
34. Файнштейн М. Русские писательницы 1820–1840 годов // Göpfert, Frank (Hrsg.). Russland aus der Feder seiner Frauen. Zum femininen Diskurs in der russischen Literatur: Materialien des am 21./22. Mai 1992 im Fachbereich Slavistik der Universität Potsdam durchgeführten Kolloquiums. München: Otto Sagner, 1992. S. 29–33. (Slavistische Beiträge, Bd. 297)
35. Хайдер К. «В сей книжке есть что-то занимательное, но...»: Восприятие русских писательниц в «Дамском журнале» // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования: сб. ст. / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. Вып. 2. С. 131–153.
36. Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России / сост. и общ. ред. В. Успенская. Тверь: Феминист-Пресс, 2005. 320 с. (Феминистская коллекция).
37. Weigel Sigrid. Der schielende Blick. Thesen zur Geschichte weiblicher Schreibpraxis // Die verborgene Frau: sechs Beiträge zu einer feministischen Literaturwissenschaft. Mit Beitr. von Inge Stephan und Sigrid Weigel. Hamburg, 1988. S. 83–137.